

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА, ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И НОВЫЕ МЕДИА

Публичная, контр-публичная и множественные публичные сферы

Переосмысление концепции буржуазной публичной сферы в том виде, в каком она была предложена Ю.Хабермасом, привело к появлению новых подходов, критикующих и дополняющих концепцию публичной сферы: ее теоретические и исторические основания, общественные институты, в которых она была представлена¹. В статье будут рассмотрены две концепции – «множественных» публичных сфер философа и феминистки Н.Фрезер и «контр-публичной» сферы социолога О.Негта и теоретика и кинорежиссера А.Клюге – и показано, какие теоретические подходы они позволяют наметить для практик активистских групп.

Хабермас в работе «Структурная трансформация публичной сферы» предлагал рассматривать публичную сферу как явление, имевшее историческую локализацию: в период с конца XVIII в. до ее радикальной структурной трансформации к середине XX в. Выстраивавшаяся на либеральных экономических отношениях и свободном обращении труда и капитала, буржуазная публичная сфера возникла как ответ на требования со стороны индивидов, обладавших частной собственностью, а значит, общими интересами и правом вынесения критического суждения о должном устройстве государства. Представители гражданского общества посредством публичной сферы имели возможность заявлять свои интересы перед государством, формируя общественное мнение путем проведения дебатов. Обсуждения должны были проходить согласно общим правилам коммуникации, включавшим достижение согласия (консенсус) посредством применения рациональных аргументов, которые приводили к разумному, т. е. верному, решению.

Еще одним основанием, определявшим буржуазную публичную сферу, являлось различие приватного и публичного. Хабермас прослеживал это различие, отталкиваясь от восходящей к античной Греции оппозиции «polis-oikos», где политическая жизнь охватывалась полисом и публичная сфера существовала как область дискуссии и действия. Граждане как главы семей не зависели от труда и обмена и входили в публичное пространство как свободные индивиды. Это разделение изменилось в Средние века (в «феодальный период»), когда правитель стал единственной «публикой» без общественных и частных институтов.

В период развития раннего капитализма возникло, согласно Хабермасу, понимание публичного и приватного в современном смысле. Экономика (производное от oikos) относилась больше к публичной системе обмена, чем к потреблению, домохозяйству, частной собственности и семье, которые приобрели статус приватных. К публичному также было отнесено все, что касалось государства – система налогов, администрирование и армия. Буржуазная публичная сфера была сформирована в ходе дебатов по вопросам определения общественного интереса и включала критику государства по

¹ *Habermas J. Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / Tr. T.Burger, F.Lawrence. Cambridge (Mass.), 1989 [1962].*

вопросам политического устройства. Позиция тех, кто участвовал в дебатах, отражала позицию гражданского общества, располагавшегося в сфере частного, и рассматривалась как общественное мнение, оказывающее давление на государство и его институты.

С формированием государства всеобщего благосостояния произошло новое изменение в соотношении публичного и частного, когда публичная сфера утратила прежнее значение и фактически перестала существовать. Экономический и социальный протекционизм государства, политика слияний и поглощений, олигополии привели к замещению частного и публичного «социальным». Семья утратила статус места, где осуществляются труд и владение частной собственностью, и семейные связи были заменены на социальные. Публичная сфера приобрела более отчетливый институциональный статус в форме масс-медиа, где критические, основанные на рациональных аргументах дебаты стали частью массовой потребительской культуры и использовались для манипулирования общественным мнением.

Однако помимо большого исторического нарратива, охватывающего период со времен Древней Греции до середины XX в. и описывающего возникновение, трансформацию и исчезновение публичной сферы, Хабермас также представил развитие концепции публичной сферы как утопический идеал. Таким образом, за понятием «публичная сфера» оказался закреплен устойчивый комплекс представлений о публичном как «открытом для всех», таком, которое стремится исключить любые формы дискриминации, основанные на социальном, гендерном и расовом неравенстве. Это понятие по-прежнему используется в политической теории, а также в теории медиа как такое, которое позволяет осмыслить современные политические и социальные изменения.

Именно с обращения к концепции Хабермаса предлагала начать разработку «альтернативных моделей демократии» теоретик и феминистка Н. Фрезер в 1992 г.² Она указывала на необходимость создания «постбуржуазной» модели публичной сферы в условиях «триумфа либеральной демократии» в США в конце XX в. и опыта социализма, представшего в авторитарных формах. Фрезер, опираясь на феминистскую критику исторического описания публичной сферы Хабермаса, констатировала существование множественных публичных сфер наряду с буржуазной сферой. Эти публичные сферы боролись с исключением из общего домена (буржуазной публичной сферы), создавая альтернативные варианты политических действий и дискурса, в то время как буржуазная публичная сфера стала отчетливым инструментом политического доминирования по отношению к множественным, соревнующимся между собой публичным сферам. Тем не менее если следовать логике Хабермаса, то утопический идеал публичной сферы, сформировавшийся в XVIII в., так и не был до конца реализован и сохранял за собой потенциал требования социального равенства, представительной демократии и независимого от государства гражданского общества. Каждое из этих требований подробно рассматривается Фрезер, исходящей из констатации существования множественных публичных сфер.

Прежде всего, социальное равенство в буржуазной публичной сфере формируется благодаря вынесению за скобки неравенства статусов, и таким образом демонстрируемое равенство на уровне дискурса является только маской, скрывающей или вытесняющей женщин, из публичной сферы. Кроме того, различие в экономическом и социальном статусе приводит к такой

² *Frezer N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Habermas and the Public Sphere / Ed. by Craig Calhoun. Massachusetts, 1992.*

субординации групп, которая влечет за собой маргинализацию групп как в повседневной жизни, так и в публичной сфере. Также Фрезер указала на проблему отделения «политического» как того, что не допускает неравенства, от «не-» или «до-политического», построенных на неравенстве, и принадлежащих таким областям частных интересов, как экономика (частная собственность), семья, повседневная жизнь, культура. Для разрешения этих противоречий Фрезер предложила рассмотреть публичную сферу не как инструмент доминирования и не как утопический идеал, а как требование реального (субстанциального) социального равенства, не равенства доходов, а равенства, построенного на «несовместимости с систематически генерируемыми отношениями доминирования и субординации»³. Именно благодаря множественности публичных сфер появляется возможность избежать конкуренции за доступ в один-единственный общий домен, и разработать свой язык, свои институциональные формы, тогда между ними также может найтись что-то общее, некоторый общий интерес.

Фрезер также критиковала и предложенное Хабермасом разделение на «слабую» и «сильную» публики в буржуазной публичной сфере, где первая основана на «мнении», а вторая – на «принятии решений». Исходя из постулата отделения государства от гражданского общества, наделение «слабой» публики полномочиями по принятию решений ставит под угрозу способность критической проверки работы государства со стороны гражданского общества. Однако «сильные» публики, как показала Фрезер, сегодня принимают формы самоуправляемых институций, что означает не только смешение мнения и принятия решений, но также и «создание мест прямой или квази-прямой демократии, где все, вовлеченные в коллективный проект, принимали бы участие в обсуждениях, определяющих его форму и деятельность»⁴.

Другой подход к концепции буржуазной публичной сферы предложили социолог О.Негт вместе с теоретиком и кинорежиссером А.Клюге. Их работа «Публичная сфера и опыт» 1972 г., как отметила социолог и переводчик М.Хансен, зафиксировала социальные изменения, произошедшие в Европе, и в частности в Германии, к 1970-м гг., в том числе связанные с активной деятельностью феминистских групп, движений за права ЛГБТ и других⁵.

Опыт субординированных маргинальных групп, в первую очередь рабочих, занятых на производстве, был представлен в рамках концепции «контр-публичной сферы». Негт и Клюге ставили перед собой задачу рассмотреть отношения между публичной сферой и масс-медиа и ответить на вопрос, возможно ли представить публичную сферу, эффективно действующую против буржуазной. Так появилась концепция «пролетарской» публичной сферы⁶.

Критика Негта и Клюге концепции Хабермаса строилась на отказе признать за буржуазной публичной сферой ее универсальный, идеальный характер, чье развитие оказалось исторически заблокировано, но, по сути, оставалось незавершенным и нереализованным. Описывая структурные трансформации публичной сферы, Хабермас следовал традиции Франкфуртской школы, с ее критикой культурной индустрии. Однако для Негта и Клюге трансформа-

³ *Freser N. Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. P. 121.*

⁴ *Ibid. P. 135.*

⁵ *Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere / Tr. P.Labanyi, J.O.Daniel, A.Oksiloff. Minneapolis (MN), 1993 [1972].*

⁶ *Ibid. P. Xliii.*

ция буржуазной публичной сферы не расценивалась как катастрофическая, а являлась результатом исключения других социальных групп (пролетариата прежде всего).

В отличие от буржуазной контр-публичная сфера укоренена в опыте. Эту категорию Негт и Клюге ввели для того, чтобы заявить о других, отличных от дискурсивных и рациональных, основаниях публичной сферы. Как отметил философ Ф. Джеймисон, публичная сфера «выглядит как то, что делает возможным опыт, но в то же время ограничивает его»⁷. Опыт выступает здесь как разделяющая и фиксирующая это разделение на приватное и публичное категория. «С одной стороны, это зона личного и частного, которая кажется возможной в качестве укрытия от публичного и политического. С другой стороны, (зона) сама по себе есть социальный факт, произведенный публичным и политическим»⁸.

Буржуазная публичная сфера, таким образом, не позволяет этому опыту быть представленным, потому что он рассматривается как область приватного и автоматически исключается. Тот, кто входит в эту сферу, но отчужден в своей деятельности от средств и результата производства и прошел путь самоорганизации и участия в рабочем движении, оказывается перед выбором. Либо предъявить свой социальный классовый опыт, и тогда он будет аккумулирован буржуазной публичной сферой в форме личного интереса, а не как «коллективная модель производства качественно новых форм публичных сфер и общественного сознания»⁹. Либо заявить о намерении использовать механизмы буржуазной публичной сферы, но по сути, как полагали Негт и Клюге, согласиться с предложенными правилами и в итоге представить опыт как сугубо «частную проблему».

Коллективный опыт, выраженный в «пролетарской» публичной сфере, для Негта и Клюге непосредственно был связан с тем, что Джеймисон назвал «анатомией демиургического начала»¹⁰. В отличие от Маркса, располагавшего производство, труд, работу в области политической экономии и понимавшего этот вид человеческой деятельности как «реализацию», Негт и Клюге рассматривали опыт производства как антропологический. В этом смысле Джеймисон обратил особое внимание на два понятия – «коммерчески-индустриальная публичная сфера» и «самосозидание» (*self-will*), используемые Негтом и Крюге в другой работе – «*Geschichte und Eigensinn*»¹¹. Оба понятия связаны с историей: первое является историей само по себе, которую авторы представили во множестве дискретных фрагментов, посвященных развитию капитализма и анти-капиталистического рабочего движения. Второе понятие включает помимо значений «собственность», «импульсивность» и «бескомпромиссность» также вопрос об идентичности, коллективной или индивидуальной. Джеймисон рассматривал такую идентичность не как «изначальную, включающую *Eigensinn*, но скорее как целый набор исторически приобретенных и развитых навыков, усилий, способностей, каждая из которых создает собственные “настойчивые” требования и имеет свое собственное “значение”»¹². Такая идентичность задействует остаточные силы, превышающие возможность их реализации через способности, и потому

⁷ Jameson F. On Negt and Kluge // October. 1998. Vol. 46: 151–177. P. 157.

⁸ Ibid.

⁹ Negt O., Kluge A. Public Sphere and Experience: Towards an Analysis of the Bourgeois and Proletarian Public Sphere. Minneapolis (MN), 1993 [1972]. P. 7.

¹⁰ Jameson F. Op. cit. P. 157.

¹¹ Negt O., Kluge A. *Geschichte und Eigensinn*. Fr. a/M., 1981.

¹² Jameson F. Op. cit. P. 159.

может приводить к «смертельным эффектам» «при исторически случайных комбинациях»¹³. Для Джеймисона такое конструирование контр-публичной сферы означает отказ от представления о необходимости политической борьбы и поражение рабочего класса. Тем не менее, оставаясь в рамках концепции опыта, Негт и Клюге сохраняли за пролетарской публичной сферой подобную возможность. Она возникает в рамках индустриально-коммерческой публичной сферы (в том числе, в масс-медиа) за счет ставки на приватность опыта, принимающего форму фантазии. Но это, согласно Джеймисону, уже не компенсаторный механизм защиты от публичной (буржуазной) сферы, но сама (контр-)публичная сфера, выполняющая функции «чтения, обдумывания и картографирования, вторжения» в буржуазную публичную сферу¹⁴.

На констатацию Негта и Клюге того, что ни одна контр-публичность не может появиться независимо от существующей индустриально-коммерческой публичной сферы, обратили внимание социологи, теоретики новых медиа Д. Дауни и Н. Фентон, рассматривая опыт политического сопротивления таких групп, как альтер-глобалисты, Запатиста и другие¹⁵. По их мнению, такие новые медиа, как Интернет, позволили этим группам получить широкую поддержку по всему миру и показали себя как эффективный инструмент для выражения солидарности. В то же время для Дауни и Фентон в задачи новых медиа (радикальных, низовых, гражданских, не масс-медиа), формирующих контр-публичную сферу, входит интервенция в поле «буржуазной» публичной сферы (масс-медиа). Однако это проникновение становится возможным только в том случае, если само существование общего домена публичной сферы понимается не как доминирование, а как отношения взаимозависимости с другой – контр-публичной – сферой. В таком случае стабильность публичной сферы предстает как мнимая, и она колеблется в зависимости от ведущейся борьбы за «субъективность, значение и репрезентацию»¹⁶. Иными словами, речь идет о динамическом взаимодействии, основанном на использовании «пустот», возникающих в ходе организации и дезорганизации общей и контр-публичной сфер, и эти пустоты могут быть использованы для солидарности, направленной «против постоянной силы культурного и экономического капитала и накопления»¹⁷.

Тем не менее для Дауни и Фентон контр-публичная сфера представляет определенную проблему в том смысле, что количество точек сопротивления увеличивается и контр-публичная сфера становится множественной. В таком случае оказывается, что такое размножение, выраженное, в том числе, в новых медиа, представляет угрозу для теории и практики демократии. Дауни и Фентон задаются вопросом, ведут ли новые медиа к сплочению, солидарности и сотрудничеству между множественными публичными сферами? Или ресурсы этих контр-публичных сфер поглощаются без остатка доминирующей публичной сферой, нейтрализуются в столкновении с интересами других групп и не приводят к прорывам, несмотря на потенциальную нестабильность общего домена?

¹³ Jameson F. Op. cit. P. 159.

¹⁴ Ibid. P. 171.

¹⁵ Downey J., Fenton N. New Media, Counter Publicity and the Public Sphere // *New Media & Society*. 2003. Vol. 5(2): 185–202.

¹⁶ Ibid. P. 195.

¹⁷ Ibid.

Город, новые медиа и публичные сферы

Из обозначенной теоретической перспективы переосмысления концепции буржуазной публичной сферы Хабермаса и дополнения ее такими концепциями, как «контр-публичная» и «множественные» публичные сферы, можно взглянуть на современные практики различных активистских групп (радикальных левых, феминистских, ЛГБТ-групп), которые разворачиваются в контексте современных российских экономических, социальных и политических изменений. Вопрос, который здесь следует задать, касается представлений о публичности в этих группах – позволяют ли они решить задачи, поставленные внутри групп, усилить позиции групп, расширить и укрепить сети солидарности с другими группами? Какое распределение представлений о государстве, гражданском обществе, приватном и публичном закреплено в этих группах сегодня?

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть, как разворачивались активистские практики в двух пространствах – городе (публичных пространствах) и новых медиа (Интернет-сайтах, социальных сетях, блогах). Эти пространства тесно связаны с тем, что понимается под публичностью, публичными сферами сегодня в России.

Опираясь на различные, но немногочисленные исследования, посвященные активистской работе, можно определенно констатировать, что преимущественно речь идет о «слабых публиках», создающих множество публичных сфер, но при этом признающих наличие доминирующей, «общей» публичной сферы¹⁸. Эта констатация касается того, как активисты используют новые медиа и городское пространство для решения агитационных и пропагандистских задач.

Каждая группа за редким исключением имеет свой интернет-сайт и/или блог, электронную почтовую рассылку, а члены группы заводят личные аккаунты в социальных сетях. Перекрестные ссылки между ними формируют информационную сеть, которая может работать и как «сеть солидарности». Использование новых медиа позволяет группам информировать других пользователей о своей политической активности и призывать к объединению для совместных коллективных действий. Для этих же целей группами проводятся акции в городе – митинги, шествия, пикеты – где аудиторией становятся случайные прохожие, полицейские, представители новых медиа и масс-медиа.

Новые медиа привлекательны для активистов благодаря технологической простоте использования, низкого или нулевого порога стоимости открытости (доступности) (для тех, кто преодолел определенный порог – приобретения компьютера и подключения к Интернету). Вместе с тем новые медиа создают определенные ограничения для активистской работы. Являясь

¹⁸ Несмотря на то, что исследования, касающиеся работы активистских групп в современной России, малочисленны, тем не менее, можно выделить несколько общественных материалов, описывающих и анализирующих подобные практики. Левые политические и общественные движения представлены в исследовании института «Коллективное действие» (<http://www.ikd.ru>). Также см.: *Клема К., Мирясова О., Демидов А.* От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России. М., 2010 (<http://www.ikd.ru/?q=node/16171>). Националистические группы и их деятельность представлена в исследованиях информационно-аналитического центра «Сова» (<http://www.sova-center.ru>). Об активистах ЛГБТ-движения в сегодняшней России, их целях и методах шла речь в докладе философа Артюра Клеша на семинаре Центра ИНИОН 16 июня 2011 г. (<http://radical-fem-msk.livejournal.com/3750.html>). Опыт феминистской работы отражен на сайте одной из групп – «Московской феминистской группы» (<http://ravnopravka.ru>). Также см.: От общественного к публичному / Под ред. О.В.Хархордина. СПб., 2011.

продуктом глобальных корпораций, пользующиеся особой популярностью Facebook, Google, Twitter задают определенные формы высказываний, распространяющиеся на тексты, изображения, аудио- и видеофайлы. И, несмотря на большое разнообразие предлагаемых на выбор форм, они зачастую являются инструментами блокирования, цензурируя сообщения и ограничивая, редуцируя их содержание. Более того, они определяют и условия модерации, что приводит в некоторых случаях к организационному коллапсу при попытках принять демократическое решение внутри активистских групп.

Что касается практик работы активистов в городе, то они стремятся производить множественные публичные сферы, заполняя доступные общественные пространства. Вместе с тем доступность в данном случае – это то, что задано планом города с его физическими характеристиками и материальными объектами, а также определенными бюрократическими правилами, и в целом следует логике неолиберальной экономики, где интересы государства подчинены интересам частного капитала¹⁹. Согласие с этими ограничениями делает создание публичных сфер трудно реализуемой задачей.

Активисты, выходящие в город, оказываются не частными персонами, составляющими гражданское общество, свободными от требований формализованного официального дискурса, как это утверждал Хабермас²⁰. Напротив, активистские группы – это те, кто вынужден использовать такой дискурс для того, чтобы получить разрешение на публичное действие в городе. Иными словами, активист должен готовить множество документов на рассмотрение государственных органов, а для этого должен понимать и принимать необходимость следовать установленным правилам, а также быть способным приспособливать выработанный в группе язык описания под формат официального документа²¹.

Кроме того, рассматривая городское пространство как публичное, где заявлены позиция и требование, группы работают с ним как с закрытым, а не открытым пространством. Даже обращение к обществу в самом широком смысле в ходе городских акций не происходит. Помимо того, что контакт с «публикой» ограничен специальными ограждениями, а периметр охраняется нарядом полиции, «обратная связь», на которую рассчитывают активисты при раздаче листовок, не устанавливается: «публика» избегает общения из соображений безопасности и воспринимает акцию как девиантное поведение группы маргинальных лиц, а не как заявление гражданской позиции. Тех, кто раздает листовки, не отличают от тех, кто распространяет рекламу. Поэтому помимо производства множественных публичных сфер, которое все-таки происходит по факту проведения городских акций, активистам еще необходимо производить и общественные пространства, «изымая» их на время акций из мнимого «общественного пространства» неолиберального города.

В целом активистские практики в городе и с новыми медиа показывают, что множественные публичные сферы, действующие на основе самоорганизации и солидарности, нуждаются в общем домене публичной сферы, который устроен по принципу буржуазной публичной сферы Хабермаса. По от-

¹⁹ Харви Д. Неолиберализм или реставрация классового государства // Прогнозис. 2006. № 2(6). С. 8–57.

²⁰ Freser N. Op. cit. P. 133–134.

²¹ В качестве примера здесь можно привести художественную работу «Отказы» активиста Социалистического движения «Вперед» И.Будрайтскиса на выставке «Захваченный город» в галерее «Риджина» в 2009 г., где представлены документы правительства Москвы, отказывающие в проведении публичного мероприятия в ответ на заявку одной из инициативных групп.

ношению к нему множественные публики, создаваемые активистами, являются не автономными, как их стремится представить буржуазная публичная сфера, а именно исключенными этим общим доменом. И в этом случае множественные публичные сферы оказываются субординированными и вынуждены соревноваться за доступ в общий домен, вместо того, чтобы, обращаясь к обществу в целом, формировать публичные сферы на своих условиях²².

Помимо этого, активистские группы, несмотря на проводимую ими огромную политическую и общественную работу, предстают «слабыми публиками», но в негативном смысле, когда им становится недостаточно только критиковать, высказывать мнение и быть при этом свободными от ответственности, как обозначал разделение на «слабые» и «сильные» публики Хабермас. Напротив, группы как «слабые публики» стремятся стать «сильными», т. е. участвовать в принятии решения и обрести институциональную форму в рамках гражданского общества. И на этом пути активисты оказываются перед дилеммой. Либо в качестве «сильной» публики они становятся «статистами», потому что теряют возможность критиковать политику государства. Либо, оставаясь «слабой» публикой, со временем маргинализуются настолько, что утрачивают возможность генерировать собственную позицию, мнение и представлять его в публичных сферах²³.

Подобные представления активистов о публичности практически исключили возможность производства контр-публичной сферы, основанной на категории опыта и связанной с коммерчески-индустриальной публичной сферой. Создание множественных публичных сфер приводит к отказу в признании различных коллективных идентичностей, объединенных «общим интересом». Тем не менее, как подчеркивали Дауни и Фентон, сегодня формирование контр-публичной сферы могло бы строиться на новых основаниях, а именно на таком понимании коллективного и индивидуального опыта, который бы выступил идентификационной матрицей для фрагментированных – капиталистических коммуникаций. И такой опыт мог бы действовать как «мобилизующая сила для политики трансформации»²⁴.

²² *Frezer N.* Op. cit. P. 124.

²³ См. *Кулмала М.* Взаимодействие государства и гражданского общества // *Laboratorium.* № 1. 2011: 165–171.

²⁴ *Downey J., Fenton N.* Op. cit. P. 194.